

Роль судебного толкования в обеспечении стабильности конституционного строя в Российской Федерации

Н. С. Малютин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1

Для цитирования: Малютин, Никита С. 2018. «Роль судебного толкования в обеспечении стабильности конституционного строя в Российской Федерации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 172–187. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.204>

Обеспечение стабильности конституционного строя невозможно без единообразного понимания всеми участниками правоотношений конституционных принципов, лежащих в основе данного конституционного строя. При этом очевидно, что названная унификация достигается лишь посредством выделения единых содержательных стандартов, установленных Конституционным Судом РФ в ходе процедуры специализированного конституционного толкования. Угроза стабильности конституционного строя может заключаться и в противоречивом или недостаточном (пробельном) правовом регулировании конкретных отношений. В этих условиях в качестве корректного средства разрешения возникшей проблемы наряду с ординарным законодательством можно рассматривать и осуществляемое Верховным Судом РФ издание актов, обобщающих разнородную судебную практику. Второй аспект подобного соотношения может возникать при корректировке действующего национального законодательства силами наднациональных органов, осуществляющих судебное толкование. Подобная необходимость оценки конституционности результатов судебного толкования позволяет говорить о существовании специфической системы судебного толкования, которая, в свою очередь, способствует обеспечению унификации правоприменительного процесса, а также обеспечению принципа верховенства права как основного фактора стабильности конституционного строя. Установление подобного рода иерархии результатов судебного толкования ставит вопрос не только о ее условной «вершине», но и об обеспечении стабильности всей системы, а также стабильности и окончательности актов толкования, представляющих собой названную вершину системы. Очевидно, что в рамках национального правопорядка в качестве приоритетного следует рассматривать именно толкование, осуществляемое Конституционным Судом РФ. В то же время реальное обеспечение соответствия всех нижестоящих форм судебного толкования конституционным предписаниям, а также соответствия Конституции РФ толкования, осуществляемого самим Конституционным Судом РФ, достигается посредством использования специфической методики осуществления Конституционным Судом РФ судебного толкования.

Ключевые слова: судебное толкование, конституционное толкование, пределы конституционного толкования, методика судебного толкования, стабильность конституционного строя.

1. Введение. Проблема стабильности конституционного строя традиционно может быть выражена в двух различных плоскостях правовой действительности:

в плоскости нормативно-правового регулирования и правореализационной практики (позитивный аспект), а также в плоскости политико-правовой практики (негативный аспект) (Федотова 2017, 76–77). В качестве подобного варианта обеспечения стабильности конституционного строя необходимо рассматривать именно регулятивное воздействие компетентных органов, что неоднократно отмечал в своих решениях Конституционный Суд РФ (Постановления от 17.11.1998 № 26-П, от 16.07.2007 № 11-П, Определение от 10.10.2017 № 2253-О (здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 октября, 2017. <http://www.consultant.ru>)). Речь прежде всего идет о том, каким образом осуществляется воздействие на конституционный строй: посредством нормативной или правоприменительной регуляции или же посредством фактических действий. В зависимости от выбранного подхода к анализу указанной проблемы можно говорить о различных способах обеспечения стабильности конституционного строя. Так, стабильность конституционного строя в негативном аспекте обеспечивается за счет применения соответствующих отраслевых санкций, чаще всего уголовно-правового или административного характера (реже — гражданско-правовых), в то время как обеспечение позитивной стабильности является прерогативой исключительно конституционного права. Именно по этой причине в рамках настоящей работы обозначенная проблема будет рассмотрена преимущественно в позитивном аспекте.

Роль нормативного регулирования и практики его применения для обеспечения стабильности правовой системы в целом и конституционного строя государства в частности представляется весьма значительной. Действительно, в процессе ординарного нормотворчества нередко могут возникать ситуации прямого дезавуирования конституционных предписаний или же создаваться нормы, не содержащие очевидного конституционного противоречия, но по своей сути блокирующие регулятивный потенциал норм Основного закона. В связи с этим поддержание стабильности конституционного строя в государстве обусловлено, помимо прочего, обеспечением принципа правовой определенности посредством унификации процесса толкования правовых норм.

Представляется, что при позитивном понимании обеспечения стабильности конституционного строя данная обязанность возлагается в первую очередь на публичных субъектов, наделенных властными полномочиями. Справедливость данного утверждения основывается прежде всего на анализе юридических последствий принимаемых указанными субъектами актов толкования. Безусловно, актуальные научные исследования все чаще демонстрируют практическую значимость интерпретационной деятельности и иных участников, не наделенных властными полномочиями (Хаберле 2003). В то же время актуальная практика нормативного регулирования указанного вопроса остается в русле ранее высказанной гипотезы, несмотря на существенное влияние обозначенных подходов. Речь идет об обсуждаемой в последнее время нормативной фиксации в Регламенте Конституционного Суда РФ (ред. от 10.10.2017) так называемого института *amicus curiae* — инициативного экспертного заключения, представляемого в Конституционный Суд РФ. Безусловно, значение данных экспертных заключений представляется существенным для отправления конституционного судопроизводства; вместе с тем именно толкование, данное Конституционным Судом в тексте своего решения (хотя и буквально

повторяющее текст заключения, чего, к слову, Конституционный Суд умышленно старается избегать!), приобретает общеобязательное регулятивное значение, в том числе в отношении обеспечения стабильности конституционного строя. Таким образом, интерес представляет именно процедура судебного толкования как особый механизм государственного обеспечения стабильности конституционного строя.

Необходимо, между тем, сделать некоторые пояснения, касающиеся возможности иных органов публичной власти осуществлять толкование правовых норм. В частности, оценивая конституционные предписания, можно сделать вывод о том, что органы законодательной власти не имеют соответствующего властного полномочия (но при этом обладают правом реализации схожей конституционной процедуры — корректировки законодательства посредством ординарного законотворчества), а органы исполнительной власти в силу своей специфики могут осуществлять лишь конкретизацию нормативных положений в сфере и в объеме, установленных федеральным законодательством.

Таким образом, будучи единственным органом, уполномоченным на осуществление официального толкования в Российской Федерации, суд приобретает особое значение в процессе государственного обеспечения стабильности конституционного строя.

2. Основное исследование. Конституционное судебное толкование как основной способ обеспечения стабильности конституционного строя. Конституционные положения предусматривают в качестве нормативной основы действующей правовой системы федеральное законодательство, а следовательно, и особую роль законотворческих органов, обладающих монополией на издание такого рода актов. Между тем практика показывает, что действующего нормативного регулирования зачастую недостаточно для осуществления справедливого и корректного правоприменения судебными органами. Важность данных процедур для обозначенной в заглавии настоящей работы стабильности конституционного строя трудно переоценить. Действительно, любое регулятивное воздействие на правовую систему в целом должно в полной мере соотноситься с базовыми конституционными предписаниями, закрепленными в гл. 1 Конституции РФ. Вместе с тем нередкое для российской правовой действительности противоречивое нормативное регулирование отраслевых отношений, не имеющих, на первый взгляд, очевидного конституционно-правового содержания, само по себе представляет угрозу для стабильного и единообразного применения права, а следовательно, является нарушением принципа правовой определенности, выступающего одним из ключевых атрибутов правового государства, провозглашенного в ст. 1 Конституции РФ.

Разрешение поставленных вопросов возможно как при помощи временной меры — осуществления судебного толкования в форме нормативных разъяснений, принимаемых Верховным Судом РФ, а также действующих в настоящее время разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ, так и в ординарном порядке — путем корректировки действующего нормативного порядка правотворческим органом. В данном случае, руководствуясь общеправовыми принципами, а также требованиями формальной логики, можно сделать вывод о том, что ординарное регулирование, выраженное в аутентичном толковании того или иного нормативного положения, в любом случае обладает правоприменительным приоритетом над временными (по своей сути) указаниями высших судебных инстанций.

Исключение составляет лишь толкование, осуществляемое в рамках конституционного судопроизводства. Специфика органов конституционного контроля, связанная с двухступенчатым характером интерпретационной деятельности, предопределяет и особенности соотношения получаемых в процессе такой деятельности результатов с результатами аутентичного толкования. Наличие конституционно-интерпретационного компонента в процессе истолкования нормативных актов Конституционным Судом РФ позволяет обеспечить закрепленное Конституцией РФ юридическое верховенство последней над текущим законодательством. Именно по этой причине принятие правотворческим органом акта, преодолевающего по своему содержанию акт толкования, изданный органом конституционного контроля, вне зависимости от формы такого акта, невозможно. Кроме того, необходимо обратить внимание и на последние реформы в сфере конституционной юрисдикции (декабрь 2016 г.), установившие, по сути, особую нормативную природу постановлений Конституционного Суда РФ, определяющих конституционные пределы применения правовой нормы посредством ее конституционного истолкования.

Не следует расценивать данные выводы в качестве констатации некоего противостояния органа конституционного контроля как ключевого интерпретатора и парламента как ключевого правотворческого органа. Как справедливо отмечает В. Д. Зорькин в одной из своих статей, основанных на глубоком системном анализе деятельности Конституционного Суда, взаимодействие последнего с Государственной Думой в целом носит конструктивный и взаимоуважительный характер, что полностью соответствует конституционному принципу разделения властей. Это обстоятельство само по себе уже может рассматриваться как важное достижение, поскольку природа конституционного правосудия как институционального средства ограничения законодателя несет в себе опасность антагонизма между судом и законодателем, о котором предупреждал еще основатель конституционного правосудия Г. Кельзен (Зорькин 2015, 1).

В. Д. Зорькин также подчеркивает, что между Конституционным Судом и Государственной Думой нет резких, принципиальных расхождений. Поэтому Конституционный Суд в последнее время все реже признает нормы полностью неконституционными. Обычно он делает оговорки («в той мере, в какой...» и т. п.), а нередко и вовсе ограничивается выявлением конституционного смысла нормы, с тем чтобы снять ее неоднозначное истолкование на практике. В любом случае Суд исходит из необходимости поддержания авторитета законодателя и видит свою задачу в совместной согласованной работе по совершенствованию действующего законодательства (Зорькин 2015, 1).

Наряду с указанными координационными (политическими) формами взаимодействия Конституционного Суда и Государственной Думы нельзя забывать и про куда более существенные, действенные и предсказуемые правовые формы. В данном случае речь идет о законодательной конкретизации положений о юридической силе решений Конституционного Суда в части невозможности их преодоления принятием нового закона.

Кроме того, разделяя опасения ряда ученых, отмечающих разбалансировку государственной власти ввиду расширения компетенции Конституционного Суда, нельзя не отметить, что решение поставленной проблемы кроется в раскрытии и фиксации пределов, в рамках которых может осуществляться нормативное

конституционное толкование, а также в разработке методики его осуществления. Предлагаемая корректировка законодательного регулирования позволит сделать процесс интерпретации более прозрачным для органов государственной власти и общественности, а кроме того, повысить уровень восприятия итоговых актов конституционного судопроизводства.

В то же время нельзя не рассмотреть вопрос, связанный с соотношением результатов конституционного толкования и толкования норм международного права, осуществляемого межгосударственными органами по защите прав и свобод (прежде всего — Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ, Европейский суд), поскольку предлагаемая логика соотношения ординарного и конституционного судебных толкований позволяет перенести указанный подход и на более высокий уровень. Между тем данный вывод не учитывает ряд серьезных содержательных различий в осуществляемых процедурах и определенной специфики функционирования ЕСПЧ, что не позволяет в большинстве случаев рассматривать толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция, Конвенция) (основного для Российской Федерации международно-правового ориентира в сфере прав и свобод человека) как форму определения границ национального правового пространства, а значит, и как действенную гарантию стабильности национального конституционного строя государств-участников.

Как справедливо отмечает Л. Гарлицкий, большинство существенных положений Европейской конвенции сформулировано способом, предполагающим их прямое действие внутри национальных правовых систем. Ведь сама идея общеевропейской системы правосудия заключается в том, чтобы Конвенция применялась внутригосударственными органами (а именно судами), обеспечивая эффективную защиту прав человека. Европейский суд, применяя Конвенцию, никогда не действует в отрыве от окружающей действительности. Почти все свои решения Европейский суд принимает по индивидуальным жалобам, которые уже были до этого предметом рассмотрения внутригосударственных органов. Поэтому при рассмотрении вопросов по защите прав человека Европейскому суду необходимо руководствоваться не только конкретными фактическими обстоятельствами дела, но и действующими судебными решениями, в которых национальные суды применяют как нормы Конвенции, так и нормы конституции своего государства. Очевидно, что каждое из таких решений заслуживает уважительного отношения, особенно в том, что касается *толкования действующих в государстве конституционных норм* (Гарлицкий 2006, 43–44).

С учетом вышесказанного Л. Гарлицкий предлагает выделить три основные формы взаимодействия Европейского суда и национальных судов. Первые два варианта основаны на едином (или близком) взгляде на возникшую правовую проблему. Отличие же состоит в том, кто стал инициатором выработки унифицированной позиции. И хотя эти два правила взаимодействия чаще всего преобладают во взаимоотношениях судебных органов, нередки исключения. И тогда возникает третья модель взаимодействия — конфликт.

Актуальна данная проблема и для Российской Федерации. По мнению А. Ю. Бушева, несмотря на то что в последние годы Европейский суд и Конституционный Суд РФ многократно и весьма уважительно ссылались в своих актах на правовые

подходы друг друга по вопросам, отраженным как в Конвенции о защите прав и основных свобод, так и в Конституции Российской Федерации (в целом диалог наладился), существуют и достаточно серьезные интерпретационные расхождения в весьма болезненных для Российского государства вопросах (Бушев 2014, 4) (см., напр.: Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 по делу «Константин Маркин (*Konstantin Markin*) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) (Бюллетень ЕСПЧ 6, 2012); Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 11 и п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда»; Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков (*Anchugov and Gladkov*) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) (Бюллетень ЕСПЧ 2, 2014); Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 04.07.2013 по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции РФ»; Постановление ЕСПЧ от 31.07.2014 по делу «ОАО “Нефтяная компания “Юкос” (ОАО *Neftyanaya Kompaniya “Yukos”*)” против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) (Прецеденты ЕСПЧ 4, 2014); Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления ЕСПЧ от 31.07.2014 по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС”» против России” в связи с запросом Министерства юстиции РФ»). Не повторяя уже ставшую традиционной аргументацию сторонников субсидиарности решений Европейского суда, позволим себе остановиться на некоторых дополнительных доводах, основанных непосредственно на анализе интерпретационной деятельности указанного органа.

В первую очередь необходимо констатировать, что функционирование Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека происходит в разных правовых пространствах. Так, ЕСПЧ опирается на Конвенцию, которую нельзя назвать универсальным актом, закрепляющим одинаково понимаемые категории в области прав человека. Яркий пример — дело «Лаутси и другие (*Lautsi and others*) против Италии» (Постановление ЕСПЧ от 18.03.2011 по делу «Лаутси и другие (*Lautsi and others*) против Италии» (жалоба № 30814/06) (Бюллетень ЕСПЧ 6, 2011)). Позиция Европейского суда, использованная в данном деле, представляется интересной, поскольку, осуществляя толкование универсальных ценностей, зафиксированных в Европейской конвенции (ст. 9 и ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции), Европейский суд констатировал невозможность выбора конкретного варианта интерпретации в отсутствие европейского консенсуса в вопросе понимания содержания указанных положений (п. 70 Постановления).

Вторым существенным фактором является невозможность учета Европейским судом специфики национального правопорядка (а именно в этой сфере конфликты, возникающие между Конституционным Судом РФ и ЕСПЧ, представляются наиболее опасными). Оба эти обстоятельства, по сути, и создают реальную угрозу сохранению стабильности конституционного строя государства.

Иерархия судебного толкования как гарантия верховенства конституционного толкования. Проблема конфликта юрисдикций в рамках единой судебной системы, цель которой — обеспечение нормального функционирования государ-

ства, а также полноценная защита прав и свобод человека и гражданина, является крайне актуальной в сегодняшней правовой реальности. Широкомасштабная судебная реформа, так активно внедряемая и проводимая в последнее время, способна лишь разрешить некоторые отдельные ее аспекты. В то же время конкуренция интерпретаций, которая зачастую обусловлена чрезмерной амбициозностью конкретных органов и должностных лиц, создает серьезную угрозу стабильному и единообразному правоприменению, а потому и стабильности конституционного строя в целом.

С учетом обозначенных проблем конфликта юрисдикции представляется, что в качестве эффективного способа разрешения возникающих интерпретационных противоречий следует рассматривать установление своего рода иерархии. В связи с этим обоснованным представляется расширение полномочий Конституционного Суда РФ в части установления возможности конституционного контроля судебных актов, обладающих свойством нормативности. Вместе с тем реальное разрешение проблемы конкурирующего толкования законодательства конституционными и общими (арбитражными) судами возможно, как показывает практика мировой конституционной юстиции, лишь в случае включения в систему национального регулирования института полноценной конституционной жалобы, который позволял бы Конституционному Суду посредством своих решений исправлять результат ординарного судебного толкования.

Приведенные ранее позиции, касающиеся соотношения результатов толкования, осуществляемого разными судебными инстанциями, позволяют сделать вывод о существовании некоей иерархии интерпретационных актов, или иерархии судебного толкования. Данная иерархия обусловлена возможностью контроля получаемых интерпретационных результатов вышестоящими судебными инстанциями. И если в случае казуального толкования вопросы упорядочения структуры судебных взаимоотношений разрешаются в процессуальном порядке действующих в настоящее время отраслевых кодексов (Гражданского процессуального кодекса, Арбитражного процессуального кодекса, Кодекса уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуального кодекса), то соотношение нормативного толкования нуждается в некотором упорядочении в силу своей конституционной специфики. Представляется, что в действующей системе национального правопорядка иерархия судебного толкования завершается именно толкованием, осуществляемым Конституционным Судом. Это обусловлено в первую очередь уже обозначенной ранее монополией данного органа на осуществление конституционной интерпретации, при сопоставлении с которой возникает реальная возможность оценить и результаты толкования ординарного законодательства. Кроме того, можно говорить о том, что Конституционный Суд в данном случае выступает в качестве «супернадзорной судебной инстанции» (Гаджиев 2012, 17) или, как справедливо отмечает А. Шайо, осуществляет «своего рода кассационное судопроизводство в области конституционного права» (Шайо 2001, 243). Подобная функция в действующей системе правовых координат в настоящее время не вызывает сомнений.

В то же время довольно остро стоит вопрос обеспечения объективности, реальности и непротиворечивости осуществляемого Конституционным Судом толкования при условии, что какой-либо контроль над его деятельностью в рамках национальной правовой системы отсутствует, а также с учетом того, каким образом

в подобной ситуации может быть обеспечено верховенство конституционного толкования и соблюдение его результатов.

Решение данного вопроса может быть найдено при последовательном анализе составляющих его проблем, среди которых выделяются: 1) методика осуществления конституционного толкования, позволяющая определить некую формальную сторону законности и объективности осуществляемого конституционного толкования; 2) пределы и ограничения конституционного толкования, обозначающие, по сути, границы свободного усмотрения конституционных судей в процессе реализации собственных интерпретационных полномочий; 3) гарантии соблюдения методики и пределов конституционной интерпретации.

Европейский опыт показывает, что формулирование конкретных правил, которые неизбежно предопределяли бы тот или иной результат толкования, едва ли возможно. Так, Федеральный конституционный суд ФРГ в одном из своих решений подчеркивал, что конституционное толкование носит дискуссионный характер, а потому не предполагает наличия конкретного бесспорного варианта интерпретации. В качестве результирующего толкования Федеральный конституционный суд ФРГ выбирает наиболее аргументированную правовую позицию. Подобный вывод справедлив и для Российской Федерации. В то же время это не означает абсолютной свободы интерпретатора в выборе того или иного варианта толкования.

Пределы выбора заключены в первую очередь в границах интерпретационного поля правовой нормы. Базовым же ограничителем выступают границы интерпретационного поля конституционных норм, соответствие которым устанавливает Конституционный Суд. При этом очевидно, что эти границы также могут определяться довольно свободно. Таким образом, возникает объективная необходимость сформулировать ряд принципов, которые отчасти уже отражены в действующем правовом регулировании, в целях установления ориентиров, позволяющих определить границы интерпретационных полей.

Свобода действий судьи (в том числе так называемое судебское усмотрение) в рамках интерпретационного поля не освобождает его от необходимости аргументировать свой выбор того или иного смысла нормы. Более того, вся последовательность аргументационных рассуждений должна быть отражена в итоговом интерпретационном акте. В противном случае обоснованность принятого решения может быть поставлена под сомнение.

Любое нормативное установление каких-либо пределов и ограничений в сфере осуществления конституционного толкования заранее обречено, так как неизбежно возникновение логического противоречия в связи с оценкой конституционности такого определения. Другая крайность рассматриваемой ситуации, как уже говорилось, кроется в бесконтрольном процессе толкования, опрокидывающего ординарное нормативное регулирование, что в конечном счете несет в себе угрозу не просто стабильности правового регулирования, а в принципе функционированию государства как такового. В связи с этим поиск пределов конституционного толкования следует проводить в деятельности Конституционного Суда с учетом методологических требований, обозначенных далее. Стоит специально подчеркнуть, что предлагаемые методические рекомендации по осуществлению конституционного толкования будут эффективными лишь в ситуации наличия и нормативных пределов, поскольку именно в качестве гарантии последних выступает последовательное

соблюдение Конституционным Судом обозначенной методики конституционного толкования.

Анализ практики Конституционного Суда позволяет вычленить некоторые ориентиры, формирующие границы осуществления конституционного толкования. В частности, первым из таких ориентиров выступает **принцип добросовестности законодателя**. Сформулированный в ряде постановлений, данный принцип предполагает, что законодатель, осуществляя свою правотворческую функцию, действует исключительно в соответствии с положениями Конституции и в интересах человека и гражданина. Данная презумпция была сформулирована Конституционным Судом относительно недавно (2010 г.), после чего стала достаточно активно использоваться им в аргументации собственных правовых позиций (см., напр.: Постановления от 20.12.2010 № 22-П, от 30.03.2012 № 9-П, от 05.06.2012 № 13-П, от 27.06.2013 № 15-П, от 26.06.2014 № 19-П, от 25.06.2015 № 17-П). Именно по этой причине Конституционный Суд при оценке ординарных законодательных положений должен обнаружить смысл нормы, в наибольшей степени соотносящийся с положениями Конституции (Джагарян 2015, 49–53). Как справедливо отмечается в правовой литературе, в основе данной презумпции лежит высокая вероятность того, что, создавая правовую норму, законодатель стремился к тому, чтобы она не противоречила Конституции. Цель презумпции, если подходить к ней с точки зрения телеологии, — достижение стабильности правового регулирования (Владыкина 2012). Таким образом, осуществляя интерпретационную деятельность, Конституционный Суд не может абстрагироваться от смысла, вкладываемого в норму законодателем. Наличие данной презумпции в интерпретационной деятельности Конституционного Суда снижает возможность произвольного толкования положений ординарного законодательства, так как создает обязанность аргументированного преодоления данной презумпции, что должно найти подтверждение в тексте итогового решения. Практическая реализация данных положений должна выражаться в следующем. Конституционный Суд, анализируя положения нормативного акта, должен в первую очередь учесть смысл, вкладываемый в данную норму законодателем. В случае если конституционность вложенного законодателем смысла вызывает сомнения, Конституционный Суд должен привести правовые аргументы, обнаруживающие и подтверждающие потенциальное (или реальное) несоответствие данного смысла конституционным положениям. В противном случае Конституционный Суд вынужден констатировать соответствие интерпретируемой нормы положениям Конституции РФ с указанием предметной области ее действия, предусмотренной замыслом законодателя («поскольку данная норма предполагает...»).

Соотносимой по значению с презумпцией добросовестности законодателя является **презумпция конституционности нормативных актов** (Сухина 2003, Мосин 2009). В контексте рассматриваемой проблемы она подразумевает, что принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации акты признаются соответствующими Конституции до тех пор, пока обратное не будет подтверждено в конституционном судебном процессе. Как справедливо отмечает В. А. Сивицкий, «суть данной презумпции состоит не в том, что противоположный утверждению вывод невозможен, а в том, что он может быть достигнут только при определенных условиях. И в данном случае специфици-

ка конституционной материи предопределила, что основным средством опровержения презумпции является Конституционный Суд РФ, который может выявить неконституционность акта» (Сивицкий 2010, 499). В то же время В. А. Сивицкий подчеркивает, что в связи с публично-правовым характером спора о конституционности бремя доказывания конституционности должно быть возложено на более сильную сторону в процессе. При этом речь идет не о формальном, а о фактическом бремени доказывания, т. е. об оценке ситуации и выстраивании аргументации самим Конституционным Судом (Сивицкий 2010, 501).

При кажущейся на первый взгляд тождественности с презумпцией добросовестности законодателя презумпция конституционности имеет существенные особенности. Так как переход к данной стадии анализа обусловлен опровержением первой презумпции, Конституционный Суд отталкивается от того, что смысл оспариваемого законоположения, вложенный законодателем, не является безупречным с точки зрения Конституции. Таким образом, объектом конституционного анализа становится уже совокупность смыслов значительно более широкая, нежели предполагал законодатель. Конституционный Суд обязан провести полноценный анализ нормы, установив все возможные конституционные ее смыслы, хотя бы и расходящиеся с первоначальным замыслом законодателя (т. е. определить интерпретационный предел толкуемой нормы). В случае если в процессе поиска не соответствующие конституционным положениям смыслы не обнаружались (т. е. презумпция не была опровергнута), Конституционный Суд констатирует действительность нормы.

Если же в процессе поиска смыслов и анализа смысла, вложенного законодателем, обнаруживается не соответствующий Конституции вариант истолкования, и, таким образом, презумпция конституционности также опровергается, Конституционный Суд обращается к заключительной стадии аргументации, основывающейся на **принципе конституционной сдержанности**. Так, в Постановлении от 27.11.2008 № 11-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 5 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” в связи с жалобами граждан А. Ф. Кутиной и А. Ф. Поварничиной» Конституционный Суд отметил, что применение для исчисления минимального размера платежей по договорам пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением непосредственно минимального размера оплаты труда в установленной оспариваемыми положениями сумме противоречило бы воле законодателя, и, исходя из принципа конституционной сдержанности, который лежит в основе его деятельности, установил, что признанное не соответствующим Конституции РФ оспариваемое положение утрачивает силу с момента введения в действие нового правового регулирования, которое законодатель обязан принять в первоочередном порядке.

Как отмечает Г. А. Гаджиев в Особом мнении к Постановлению от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова», Конституционный Суд в своей деятельности должен проявлять определенную умеренность, к чему его обязывают принципы Конституции РФ, прежде всего принципы конституционной сдержанности и народовластия. В силу этих принципов поиск баланса между конфликтующими правовыми ценностями должен осуществляться представительным органом власти.

В то же время ряд ученых отмечает, что конституционное правосудие призвано оберегать самостоятельность и независимость представительной власти как одну из важнейших ценностей конституционной государственности, что требует разумной сдержанности и самоограничений. Вопрос подбора способов конституционно-судебного воздействия предполагает необходимость учета как сформированных посредством общенационального представительства общественных предпочтений, так и дискреционных возможностей представительной власти по оценке и определению механизмов исполнения конституционно-судебных актов (Джагарян, Джагарян 2014, 33). Подобного подхода придерживается и С. В. Нарутто, отмечая, что в случае интерпретации норм текущего законодательства Конституционный Суд, несомненно, обладает правом их истолкования в конституционно-правовом смысле, осуществляя это оперативно, предупреждая и пресекая тем самым нарушения Конституции законодательством. Но и в этом случае Конституционный Суд должен ограничивать себя, когда это возможно, лишь указывая парламенту «правильное», т. е. конституционное, направление развития законодательства (Нарутто 2014).

Подменяя законодателя, Конституционный Суд проявляет политическую волю, отступая от принципа независимости. Вместе с тем, как справедливо подчеркивал О. Е. Кутафин, Конституционный Суд не должен оглядываться на политику. Он должен быть только юридическим органом. В то же время, по мнению О. Е. Кутафина, «осуществление правотворческой функции Конституционным Судом РФ оправдано в критических случаях, не терпящих затягивания в урегулировании острых проблем, связанных с реализацией прав и свобод граждан и их объединений. Ведь главной целью конституционного судопроизводства является защита не столько Конституции как нормативного акта высшей юридической силы, сколько конституционализма, закрепленного этой Конституцией» (Кутафин 2008, 246).

В контексте осуществления интерпретационной деятельности Конституционного Суда и в рамках рассматриваемого вопроса методики осуществления конституционной интерпретации данный подход приобретает следующее воплощение. В результате аргументированного опровержения презумпций добросовестности законодателя и конституционности акта Конституционный Суд неизбежно приходит к выводу о необходимости оперативного реагирования средствами конституционного судопроизводства в части исключения возможности использования не соответствующих Конституции вариантов толкования, обнаруженных на первых стадиях. Такое опровержение презумпций, собственно говоря, и является основанием для перехода к третьему методологическому критерию.

В плоскости конституционной интерпретации данный принцип должен приобретать более узкое значение. В частности, при осуществлении конституционного контроля Конституционный Суд лишь должен сделать выбор в отношении меры реагирования: 1) установление конституционности конкретного смысла нормы в ситуации, когда все (в том числе и законодательный) смыслы нормы оказались вне конституционных пределов; 2) установление неконституционного смысла и исключение возможности его применения (в этой ситуации все иные смыслы нормы могут быть использованы в процессе правоприменения); 3) полное признание неконституционности нормы в ситуации, когда интерпретационные поля конституционной и проверяемой норм не пересекаются.

Данный подход отражен в практике самого Конституционного Суда. Так, в ряде постановлений Конституционный Суд констатировал собственное право устранить неопределенность в интерпретации оспариваемой нормы с точки зрения соответствия Конституции РФ, признав ее не противоречащей Конституции РФ в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционно-правовом смысле. Таким образом, Конституционный Суд РФ, по сути, определил конституционные условия применения и действия обозначенного правового положения, за пределами которых норма утрачивает свою конституционность. Важным обстоятельством является разумная сдержанность, предопределяемая конституционными полномочиями и местом Конституционного Суда РФ в системе разделения властей, которая и позволила последнему, не удаляя саму оспариваемую заявителем норму из правовой системы, поскольку это может существенно повлиять на ее функционирование в целом и создать трудности в правоприменении, разрешить возникшее конституционное противоречие (Постановления Конституционного Суда РФ от 07.11.2012 № 24-П, от 21.12.2011 № 30-П).

Неудивительно, что ученые-конституционалисты в последнее время все чаще говорят о наметившейся тенденции отказа от признания нормы неконституционной «в полном объеме», если имеется возможность выявить конституционно-правовой смысл этого законоположения и в его контексте — должное конституционное содержание нормы, исключающее любое иное истолкование такого законоположения в правоприменительной практике (Гриценко 2013; Джагарян, Джагарян 2014; Зорькин 2011; Князев 2013; Нарутто 2014).

В то же время, по мнению К. В. Арановского и С. Д. Князева, выявляя конституционно-правовой смысл проверяемых законоположений, Конституционный Суд должен оставаться в границах конституционных предписаний и не подвергать их сомнению, т. е. не позволять себе такого судебного активизма, следствием которого являлась бы скрытая ревизия содержания Конституции, когда под видом ее истолкования по сути отрицалось бы подлинное значение конституционных норм. В противном случае — при формальном сохранении неизменности текста российской Конституции — велика опасность того, что между ней и фактическим конституционным укладом (строем), получающим оправдание в актах органа конституционного судебного контроля, останется крайне мало точек сопряжения (Арановский, Князев 2013, 57–58).

3. Выводы. Судебное конституционное толкование нормативных актов в силу своей специфики призвано не только обеспечивать единообразное понимание текста Основного закона, но и осуществлять стабилизирующую функцию, вводя огромный массив судебных интерпретаций в конституционное русло. Очевидно, что осуществление подобных функций невозможно без обеспечения надлежащего правового механизма, а также установления правовых гарантий, уберегающих всю правовую систему от злоупотреблений. И. А. Кравец полагает, что «конституционная герменевтика должна основываться на определенных правилах, которые являются первичными при осуществлении интерпретации конституционных положений. В целом такие правила носят объективный характер в связи с тем, что их появление вызвано особой ролью Конституции в правовой системе страны, специфической юридической природой Конституции как Основного закона, обладающего высшей юридической силой и другими юридическими свойствами, характером

юридических процедур, используемых для нормативного и казуального толкования норм конституции» (Кравец 2003, 18). Соглашаясь со справедливостью данного высказывания, нельзя не отметить, что обнаружение и четкое формулирование правил, о которых говорит И. А. Кравец, значительно упростило бы задачу единообразной правоинтерпретации, а следовательно, сняло бы целый спектр проблем, связанных с процессом судебного толкования. В то же время практика показывает, что реализация предлагаемых инициатив невозможна без активной деятельной роли Конституционного Суда, так как именно он в соответствии с действующим правовым регулированием наделен полномочиями по монопольному истолкованию конституционных положений. В этой ситуации выработка Конституционным Судом четкой методологии осуществления толкования нормативных положений представляется вполне обоснованной. Между тем отсутствие обратной связи между законодателем и Конституционным Судом создает определенные сложности, в том числе вынуждая последний изобретать дополнительные механизмы, позволяющие ему действовать в конституционно установленных целях.

Библиография

- Арановский, Константин В., Князев, Сергей Д. 2013. «Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания». *Сравнительное конституционное обозрение* 3: 50–59.
- Бушев, Андрей Ю. 2014. «Постановления Европейского суда по правам человека и Конституция Российской Федерации: конфликт компетенций». *Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека* 9: 4–9.
- Владыкина, Татьяна А. 2012. «Компетенция мирового судьи: конституционно-правовые аспекты». *Конституционное и муниципальное право* 12: 66–70.
- Гаджиев, Гадис А. 2012. «Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении: качество законов с российской точки зрения». *Сравнительное конституционное обозрение* 4 (89): 16–28.
- Гарлицкий, Лех. 2006. «Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия)». *Сравнительное конституционное обозрение* 1 (54): 43–53.
- Гриценко, Елена В. 2013. «Роль Конституционного Суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России». *Журнал конституционного правосудия* 1: 14–29.
- Джагарян, Армен А., Джагарян, Наталья В. 2014. «Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии». *Юридический мир* 2: 27–34.
- Джагарян, Наталья В. 2015. «Конституционное правосудие как фактор формирования и развития конституционно-правовой концепции представительной демократии». *Конституционное и муниципальное право* 2: 49–53.
- Зорькин, Валерий Д. 2011. *Конституционно-правовое развитие России*. М.: НОРМА.
- Зорькин, Валерий Д. 2015. «Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства». *Журнал конституционного правосудия* 3 (45): 1–5.
- Князев, Сергей Д. 2013. «Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации». *Журнал российского права* 12: 5–13.
- Кравец, Игорь А. 2003. «О правовой природе конституционной герменевтики». *Право и политика* 1 (37): 15–29.
- Кутафин, Олег Е. 2008. *Российский конституционализм*. М.: НОРМА.
- Мосин, Сергей А. 2009. *Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации*. М.: Юстицинформ.
- Нарутто, Светлана В. 2014. «Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти». *Актуальные проблемы российского права* 6: 1096–1107.
- Сивицкий, Владимир А. 2010. «Презумпция конституционности нормативного правового акта: отдельные аспекты». *Юридическая техника* 4: 499–502.

- Сухина, Ирина В. 2003. *Презумпции в конституционном праве Российской Федерации*. Дис. ... канд. юрид. наук, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- Федотова, Юлия Г. 2017. «Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства». *Lex Russica* 7: 75–89.
- Хаберле, Петер. 2003. «Открытое общество толкователей Конституции». *Конституционное право: восточноевропейское обозрение* 1 (42): 21–28.
- Шайо, Андраш. 2001. *Самоограничение власти: краткий курс конституционализма*. Пер. с венг. А. П. Гуськовой, Б. В. Сотина. М.: Юристъ.

Статья поступила в редакцию 15 января 2018 г.,
рекомендована в печать 28 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Малютин Никита Сергеевич — канд. юрид. наук; N_malyutin@mail.ru

Role of judicial interpretation in the process of stabilization of constitutional order in the Russian Federation

N. S. Maliutin

Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Maliutin, Nikita S. 2018. “Role of judicial interpretation in the process of stabilization of constitutional order in the Russian Federation”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 172–187. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.204>

Providing the stability of the constitutional system is impossible without a unified understanding of the constitutional principles that underlie this constitutional order by all participants of legal relations. It is obvious that such unified understanding is achieved only through the establishment of united content standards established by the Constitutional Court of the Russian Federation during the procedure of a specialized constitutional interpretation. It is worth noting that the threat to the stability of the constitutional system can also be found in the contradictory or inadequate (lacunal) legal regulation of specific relations. In these circumstances, along with ordinary lawmaking, it is also possible to consider acts of the Supreme Court of the Russian Federation that generalize a diverse judicial practice, as a correct way of resolving the problem. The second aspect can arise when the existing national legislation is adjusted by supranational bodies that carry out judicial interpretation. Such a need to assess the constitutionality of the results of judicial interpretation allows to speak about the existence of a specific system of judicial interpretation, which in turn, helps to ensure the unification of the law enforcement process, and to ensure the rule of law as the main factor of stability of the constitutional system. The establishment of such a hierarchy of the results of judicial interpretation raises the issue not only about the “top of hierarchy”, but also about ensuring the stability of the entire system, as well as the stability and completeness of acts of interpretation, which are the named “top” of the system. It is obvious that, within the framework of the national legal order, the interpretation exercised by the Constitutional Court of the Russian Federation should be regarded as a higher priority. At the same time, the real assurance of compliance of all subordinate forms of judicial interpretation with the constitutional requirements, as well as the compliance of the interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation with the Constitution of the Russian Federation, is achieved by the use of a specific method of the judicial interpretation, implementation by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: judicial interpretation, constitutional interpretation, limits of constitutional interpretation, methodology of judicial interpretation, stability of constitutional order.

References

- Aranovskiy, Konstantin V., Knyazev, Sergey D. 2013. "Rol' Konstitutsii v politiko-pravovom obustroistve Rossii: iskhodnye obstoiatel'stva i sovremennye ozhidaniia" ["The Role of the Constitution in the Political and Legal Arrangement of Russia: the Initial Circumstances and Current Expectations"]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review] 3: 50–59. (In Russian)
- Bushev, Andrey Yu. 2014. "Postanovleniia Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka i Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: konflikt kompetentsii" ["Decisions of the European Court of Human Rights and the Constitution of the Russian Federation: Conflicts of Competence"]. *Prava cheloveka. Praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Human rights. Practice of the European Court of Human Rights] 9: 4–9. (In Russian)
- Dzhagaryan, Armen A., Dzhagaryan, Natalia V. 2014. "Apologiia tsennostnogo podkhoda v konstitutsionnom prave i pravosudii" ["The Apology of the Value Approach in Constitutional Law and Justice"]. *Iuridicheskii mir* [The Legal World] 2: 27–34. (In Russian)
- Dzhagaryan, Natalia V. 2015. "Konstitutsionnoe pravosudie kak faktor formirovaniia i razvitiia konstitutsionno-pravovoi kontseptsii predstavitel'noi demokrati" ["Constitutional Justice as a Factor in the Formation and Development of the Constitutional and Legal Concept of Representative Democracy"]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law] 2: 49–53. (In Russian)
- Fedotova, Julia G. 2017. "Uchastie grazhdan v obespechenii oborony strany i bezopasnosti gosudarstva" ["Participation of Citizens in Ensuring the Country's Defense and State Security"]. *Lex Russica* 7: 75–89. (In Russian)
- Gadzhiev, Gadis A. 2012. "Printsip pravovoi opredelennosti i rol' sudov v ego obespechenii: kachestvo zakonov s rossiiskoi tochki zreniia" ["The Principle of Legal Certainty and the Role of Courts in Securing it: the Quality of Laws From the Russian Point of View"]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review] 4 (89): 16–28. (In Russian)
- Garlicki, Lech. 2006. "Sotrudnichestvo i konflikt (neskol'ko nabliudenii iz praktiki vzaimodeistviia Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka i natsionalnykh organov konstitutsionnogo pravosudiia)" ["Cooperation and Conflict (Several Observations from the Practice of Interaction of the European Court of Human Rights and National Institutes of Constitutional Justice)"]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review] 1 (54): 43–53. (In Russian)
- Gricenko, Elena V. 2013. "Rol' konstitutsionnogo suda v obespechenii priamogo deistviia Konstitutsii v Germanii i Rossii" ["The Role of the Constitutional Court in Ensuring the Direct Effect of the Constitution in Germany and Russia"]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* [Journal of Constitutional Justice] 1: 14–29. (In Russian)
- Haberle, Peter. 2003. "Otkrytoe obshchestvo tolkovatelei konstitutsii" ["An Open Society of Interpreters of the Constitution"]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review] 1 (42): 21–28. (In Russian)
- Knyazev, Sergey D. 2013. "Konstitutsionnyi Sud v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii" ["The Constitutional Court in the Legal System of the Russian Federation"]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law] 12: 5–13. (In Russian)
- Kravets, Igor A. 2003. "O pravovoi prirode konstitutsionnoi germeneytiki" ["On the Legal Nature of Constitutional Hermeneutics"]. *Pravo i politika* [Law and Policy] 1 (37): 15–29. (In Russian)
- Kutafin, Oleg E. 2008. *Rossiiskii konstitutsionalizm* [Russian Constitutionalism]. Moscow: NORMA. (In Russian)
- Mosin, Sergey A. 2009. *Prezumptsii i printsipy v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii* [Presumptions and Principles in the Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Justicinform. (In Russian)
- Narutto, Svetlana V. 2014. "Mesto Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti" ["Place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the System of Public Authorities"]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law] 6: 1096–1107. (In Russian)
- Shayo, Andras. 2001. *Samoogranichenie vlasti: kratkii kurs konstitutsionalizma* [Self-Limitation of Power: A Short Course of Constitutionalism]. Transl. from Hungarian by A. P. Guskova, B. V. Sotin. Moscow: Yurist. (In Russian)

- Sivitsky, Vladimir A. 2010. "Prezumptsiia konstitutsionnosti normativnogo pravovogo akta: ot del'nye aspekty" ["Presumption of Constitutionality of a Normative Legal Act: Certain Aspects"]. *Juridicheskaiia tekhnika* [Law machinery] 4: 499–502. (In Russian)
- Sukhinina, Irina V. 2003. *Prezumptsii v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii*. Dis. kand. iurid. nauk, Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii [*Presumptions in the Constitutional Law of the Russian Federation*]. PhD diss. Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation]. (In Russian)
- Vladykina, Tatiana A. 2012. "Kompetentsiia mirovogo sud'i: konstitutsionno-pravovye aspekty" ["Competence of the Justices of the Peace: Constitutional and Legal Aspects"]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law] 12: 66–70. (In Russian)
- Zorkin, Valery D. 2011. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and Legal Development of Russia]. Moscow: NORMA. (In Russian)
- Zorkin, Valery D. 2015. "Konstitutsiia zhivet v zakonakh. Rezervy povysheniia kachestva rossiiskogo zakonodatel'stva" ["The Constitution Lives in the Laws. Reserves to Improve the Quality of Russian Legislation"]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* [Journal of Constitutional Justice] 3 (45): 1–5. (In Russian)

Author's information:

Nikita S. Maliutin — PhD in Law; N_malyutin@mail.ru